

Дмитрий Володихин

Огородник и его кот

Дмитрий Михайлович Володихин
Огородник и его кот

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171167

Содержание

Дмитрий Володихин

4

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Дмитрий Володихин

Огородник и его кот¹

10 фруктидора 2156 года.

Планета Совершенство, Зеркальное плато, поселок Слоу Уотер.

Капрал Эрнст Эндрюс, 30 лет, и некто Огородник, в два раза старше.

С Огородником я познакомился из-за дождя.

В наших местах часто идут дожди. Я люблю дожди. Вот, я сижу дома и смотрю в окно. В моем жилище всего одно окно, потому что всего одна комната пригодна для спанья, там я все щели заткнул, потолок оштукатурил и побелил, даже дверь обил мякотью двух старых кресел. Чтобы поплотней прилегала к косяку. Зимой тут холодно, топлива не запасешься, а сквозняки живо всю теплынь выстудят. Вот я и обил дверь. И биопласт прозрачный я у Лудаши выпросил – как раз на окно. Лудаш – это олдермен моего дистикта был год назад. Теперь помер, вместо него колченогий Петер. Жадный, упрямый, у такого ничего не выпросишь. Вот. А у Лудаши я выпросил хорошую плиту биопласта. Обрезал как положено, и вышло точнехонько на окно. В других комна-

¹ Варианты названия: «Добрые люди» и «Долиной смертной тени».

тах либо глухие стены, нет там никаких отверстий. Либо стены разворочены, уже никак не поживешь. Кое-где окна были раньше, и дыры были – ну, для труб, для вентиляции, для еще чего-то... я не разбираюсь. Теперь там ни труб, ни вентиляции, ни окон. Дыры и дыры. Продавлы. Нет, правильно сказать не так, правильно сказать «провалы». Даже не забиты ничем, ветер гуляет, слякоть несет, листья... Года три назад птичьего помета повсюду было наложено. Потом птицы повывелись, передохли, наверное, и помет теперь остался только старый, уже окаменелый... В левом крыле и крыши нет, крыша порушена в левом крыле. Ну и, понятно, полы все разъело, даже фундамент покурочило. От кислотных дождей. А над спальней над своей я на крыше слой дерна положил. А дерн обрезками жести покрыв. Жесть я в Городе нашел. Когда еще не был такой ленивый, как сейчас, я в Город ходил, и там нашел хорошую жесть, много жести. Вот. А по жести я положил еще один слой дерна. Чтоб наверняка. И тот слой еще разными железяками накрыл – где что мог оторвать, вытащить и унести, тем и накрыл. Надежно вышло. Ни разу на меня не просочилось. Когда дерн вымывает, я еще кладу. А щели все заделал. Осенью у меня хорошо, тепло. И весной хорошо – тепло, не сыро ничуть. У Боунзов весной очень сыро, старик от ревматизма мучается. И у Стоунбриджей тоже сыро. И у трясучего Вольфа. А у Хебберши весной и сыро, и холодно, и даже мокрицы какие-то заводятся, то ли жучье. Но Хебберша дура. Дурее только Протез. И Бритые

дурее, понятно. А еще она ленивая и старая.

У меня дома хорошо, очень хорошо, я постарался.

Поэтому я не люблю выходить наружу.

Люблю дома сидеть. Когда дождь идет, никуда не пойдешь. Ни работ никаких, ни улицы расчищать не надо, ни канализацию чистить, ничего. И сам никуда не пойдешь. То есть, когда дождя нет и едкого Цветного тумана нет, может, захочется куда-нибудь пойти. Может, в Город пойти. Может, в Парк пойти. Там неуютно. В Парке красиво, но тоже неуютно. Чужаки попадают и от дома далеко. А когда дождь, такие опасные планы сам не захочешь придумывать, они в голову нейдут. Вот, сидишь себе, расслабишься...

Биопласт очень прозрачный, прозрачней стекла, он как воздух. Смотришь через него, и все видно. Какие пузыри надуваются на лужах. И как лужи расползаются. И как ржавая бочка наполняется, а потом льет через край. И брызги с моего карниза летят во все стороны. И как трава гнется. И какое небо. И сырые пятна разноцветные на стенах домов. И разные железяки из развалин торчат. И забор гнилой, весь почти распался. Темный, мокрый забор, краска давно сошла, он почти черный. Иногда ящерица пробежит. Ящерицы наши любят дождь, но только если теплый. Из дыр вылезают. Их расплодилось видимо-невидимо. Притом все больше таких, каких раньше не было. Я к ним привык, хоть они и странные до ужаса, все в радужных разводах, с костяными манжетами на лапах... Я ко всему привык. Только к лягуш-

кам я не привык. лягушек сюда с самой Земли завезли. Они и сейчас выглядят как обычные лягушки. Только квакать разучились, стрекочут. Я к стрекочущим лягушкам не привык и привыкать не могу. Уж больно пакостно они выводят, ровно какая-то насекомая тварь.

А я сижу и смотрю часами. Так мне хорошо!

Но с Огородником я познакомился совсем не тогда, когда дома сидел. Я был не дома. Я службу справлял. Потому что я солдат и даже капрал. И я должен службу справлять раз в пять дней. А иногда раз в четыре дня. Или даже раз в три дня. И я тогда справлял службу, а курево мое отсырело. Понятно, бумаги нет, табак разве что в сушеный лист Ладошника завернешь, а сушеный лист Ладошника живо промокает. И зажигалка моя, хорошая зажигалка, самодельная, с наддувом, я ее у Лудаша выменял, когда еще он жив был, в общем, сдохла зажигалка. Горючка, то есть, в ней закончилась. Не рассчитал я, дурында, курил много, холодно в дозоре, – вот я и курил. Горючка, понятно, кончилась. Едва пырхает. Я – пырх, пырх, а курево отсырело и не никак не возьмется. И дождь косой, брызжет сбоку, гасит мне огонек. Мы сидим с Огородником на деревяшках, которые вместо сидений распоротых на кресла положены, ну, в раскуроченной амфибии сидим, и я злюсь. Очень зябко, за дождем не видать ничего, и даже курево никак огнем не возьмется. И дождь сбоку брызжет. Спасибо, крыша у амфибии цела, хоть не промокли вдрызг... Вот. У нас на Первой Дозорной Точке вкопана

раскуроченная амфибия. Для часовых. Вот мы в ней сидим, и я уже очень злюсь, и мне себя очень жалко. Огородник поворачивается и говорит:

– Руки вот так сделай.

Показывает – как.

– И что? Зачем это?

– От дождя.

Опять показывает – как.

А он все время молчал, ни слова не сказал. Так только, когда разводили нас по дозорам, он разводящему, Таракану, ответил. По службе ему положено отвечать, вот он и ответил. Когда Вольф-младший дозорным начальником заступает, а Таракан при нем разводящий, они службу блюдут – спасу нет. Как в старые времена. Я в старые времена не служил. Я просто работал. Я летал. Просто я думаю, что в старые времена, до Мятежа, службу блюли строго. У них техники было много, а при технике человек суровеет... Вот. В общем, что Вольф, что Таракан ото всех требуют, чтоб им отвечали по особенному. Таракан говорит: «Чеканно». Вольф говорит: «Рублено». А всем плевать на них, они тупые. Все отвечают, как ответится. Только Огородник отвечал им точно так, как они хотели. В смысле, слова отрубал. Или чеканил. Или как-то так. А потом все время молчал. И я молчал. Что мне с ним говорить? Кто мне этот Огородник? Только глаза мозолит. Чего ему у нас надо? Зачем приехал? Да хоть бы он и хороший был человек, безобидный, а я и сам не го-

ворливый. Он молчит – я молчу. Я молчу – он молчит. Мы молчим. Хорошо. Нормально все.

А потом он мне показал, как руки поставить. От дождя.

Зажигалка моя пырхнула напоследок, но ее не залило. И курево занялось. Пошло курево. Я затянулся всласть, аж до самых до печенок. Кто не курит – не поймет, как это всласть затянуться, когда давно дыму в рот не брал.

И я ему сказал:

– Я тебя знаю.

– Мм?

– Я откуда-то тебя знаю. Я тебя видел. Я тебя запомнил. Я тебя точно видел.

– Мм.

– Что мычишь?

Он только плечами повел. Он так показал мне: отцепись, брат, чего лезешь? Но меня разобрало.

– А может, ты жил в столице? В столице Совершенства ты жил? Раньше? А? Я там учился.

– Ммм... – в смысле: нет.

– Или в военном госпитале тебя лечили? Тут, на Зеркальном плато, был госпиталь... Потом военные разбежались. Или ты лежал там? А? Болел? Ранили? А?

– Ммнт! – в смысле: заткнись.

– Может, ты летал?

– Что летал?

Тут я вижу, дело нечисто. Так он быстро ответил, так он

быстро переспросил! Враз видно: как-то я его задел. Он, наверное, летал, как я, и я его тогда где-нибудь видел. Вот. Он летуном был. Но он об этом говорить не хочет ни с кем. И мне с ним об этом говорить не нужно, может быть, он рассердится. И я подумал: нет, не надо ему сейчас вопросы задавать, не люблю когда люди рассерженные. Зачем? Потом поговорим. Может, он захочет поговорить.

– Огородник, давай, зайди ко мне. Когда сменимся и отоспимся. Огородник, у меня кофе хорошее есть, очень хорошее.

Сказал, а самому жалко стало. Кофе мало у меня совсем. Выпьет мой кофе.

– Лучше ты ко мне зайди, Капрал. Зайдешь ко мне.

Голос у него какой! Ничего особенного не сказал. А мне уже хочется побежать, все сделать, как он велел. Вот. Я даже испугался. Откуда такая сила у него?

– Давай, Капрал. У меня шоколад есть. Настоящий. С Терры Второй привезен. А кофе свой захвати, пригодится.

Это он все гораздо мягче сказал. Он вроде бы не хотел меня голосом своим испугать, потому и гораздо мягче голос сделал. У Хебберши инфоскон есть. Плохой, плохо работает. Но есть. Он один на весь Поселок, только у Хебберши. И вот она ловит каналы, чего-то тыкает, подстраиывает, деловая... И Огородник как она. В смысле, голос подстроил свой. Как канал в инфосконе. Только что войну показывали, а тут будто бы для детей программа. Но это хорошо, что он мягче

сделал. Так лучше. Я грубых людей не люблю. И злых людей тоже не люблю. Зачем это?

– Ладно. Я найду.

Про шоколад он сказал, а у меня все в голове на старые дела повернулось. До Мятажа еще. Я шоколад вспомнил. Я его ел. Вот. Я его ел очень давно, до Мятажа, до всех дел. Он нежный, сладкий, как хорошая жизнь. Вот, я когда отравился, то уже потом не ел его, я его даже не видел. Всего не хватало, ботинок не хватало, какой там шоколад! Вот. Ага. Когда я на войне отравился... Страшно, лучше не думать... А раньше я летал. Я был стювардом на лайнере «Виктория». О! Там шоколада было завались. О! О! Очень много. Я ходил на лайнере до Марса. И до Терры-2. И до Нью-Скотленда. И до самой Земли! Я был на самой Земле, в городе Майами. И на Терре-2 я был. В городе Ольгиополе. И еще много где. Я летал. Вот. Я был летун. До Мятажа, до всех дел. Вспомнишь – и трясет. И весь холодеешь. И трясет, трясет, особенно руки трясутся... Какая жизнь была... Может, все мне привиделось? Ну, когда отравился... Нет, все было, другие люди похожие вещи рассказывают. Вот, например, Лудаш. И Таракан. У Хебберши, когда она дает свой инфоскон посмотреть, такие там известия, будто где-то сейчас... вроде... вроде... как раньше. Может, оно так и есть. Я спросил Таракана раз: «Там живут как раньше. А мы чего же?» А он мне сказал: «Тебе не все равно?» Вот он так сказал, и я не знаю – мне все равно или нет...

Шоколад. Вот. Кстати.

– Я к тебе точно зайду, Огородник.

– Угу.

И я затыкаюсь. Нет, мне, понятно, очень хочется узнать, где я его видел. Я уже почти вспомнил. Но не совсем. Это как сон хватать рукой: вот он есть, и вот его нету... Спрашивать ни о чем я не буду. И я не стал спрашивать. Потом вспомню.

Тут у меня в кармане задребезжало. Вынул я Прибор с Экраном. На Экране красненькая пометка: с Визиром номер 81 стряслась какая-то глупость. Он не работает. Может, надо его заменить. Вот.

Очень плохо!

Эти я сейчас вспоминаю, как мне было плохо, и даже сейчас до костей пробирает. Наши Визирь за Равниной наблюдают, они внизу. Там, внизу, – Равнина. А у нас, наверху – Плато. Это слово мне Лудаш сказал: «Плато»... Красивое слово, значительное. В старой жизни я его знал и понимал. А потом оно мне просто понравилось. В смысле, когда Лудаш мне его сказал. Плато... И с Плато до низу, или обратно с Равнины наверх можно добраться тремя способами. Лучший способ – через Провал. В смысле, через ущелье. И провал сторожат не два, а три человека. Еще можно пойти по Каменистой тропе. Это хуже. Неудобно. Сверзишься враз, и костей не соберут. Там наша Третья Дозорная Точка. Место тихое. Только дурак полезет. Или – если себе враг. Башколом. Тогда запросто. И тут еще можно пройти, тут – седло-

вина. Первая Дозорная Точка.

Надо мне было по седловине вниз отправляться. Ой, худо! Там осыпь, там земля как каша из грязи, там острые камни. Но надо веревкой обвязаться и лезть. Мне надо лезть. Потому что прошлый раз лазал Огородник. Из нас двоих я старший, я капрал, я главнее. Но это только потому, что я – местный, а он – пришлый, и совсем недавно тут появился, еще местным не стал. У меня – что? Одежда старая, вся в заплатках. Ружье самодельное, дробью стреляет. Ружье с двумя стволами. А у него – что? Приличная, дорогая одежда, без дырок. Сапоги высокие, почти новые, тоже без дырок. И еще у Огородника есть пистолет: новенький, жутковатый, Огородник по-моему, сам его боится. Называет свой пистолет с уважением: «Третья модель». Точно так говорит: «Третья модель», а не просто «пистолет». Огородник странный. Но, по всему видно, не злой. И не дурак. Ну вот, он лазал вниз прошлый раз, вернулся по уши в грязи. Говорит, контакт отошел у Визира. Визир потом опять заработал. Так было за пять дней до того раза, как мы познакомились. То есть, в дозоре нас часто вместе ставили, но мы не разговаривали и не знакомились. А тут – р-раз – и познакомились. И мне надо вниз лезть. Хоть я и капрал, но очередь моя.

Ой-ой!

И я закричал, веревку с карабином подобрал, ружье подобрал, карабин к ремню пристегнул, хочу выйти наружу. Вдруг он говорит:

– Погоди.

– А?

– Погоди-ка.

– Надо Визир посмотреть...

– Сиди, парень. Я через прицел погляжу, что там.

Он старше меня по возрасту, поэтому назвал меня «парнем». Но я старше по званию, и мне было неприятно, что он так меня назвал. И я сказал Огороднику:

– Сиди тут, рядовой, неси службу.

И наружу лезу.

Не тут-то было. Он меня за руку – хватъ.

– Извини, Капрал. Просто подожди чуточку.

– Ладно. Тогда давай, смотри через прицел... чего как.

Улыбается.

– Сейчас гляну.

А что мне? Вот, он извинился, и я понял, что мне лучше бы внутри пока посидеть. Тут тебе ни грязи, ни дождя, ничего такого.

Огородник завозился с излучателем. То есть излучатель старый, со времен Мятежа остался, он работает. Но все наши парни знают только, куда жать, чтоб выстрелило. Вот, еще как перезарядить его. А там еще много всяких штук, военная техника – дело хитрое такое, сложная вся. И штуки наши парни не знают и наладить не могут. И я не знаю. А Огородник чего-то там знал. Я видел, как он в излучателе копался, даже чистил его...

Вот он прямо из железного нутра излучателя – это вещь тяжелая и большая – вынул два проводочка. Длинные проводочки с шишечками-присосочками на концах. И ловко так присосал их себе за ушами. Вот. Это и есть прицел? Проводочки дурацкие? Я смотрел во все глаза. Ой-ей-ей! Лицо у Огородника сразу серьезное сделалось. А потом он брови в кучку над переносицей собрал, не нравится ему что-то.

– Нет, Капрал, не суйся туда. Не надо тебе туда соваться. Во всяком случае, одному.

Я ему кивнул так вопросительно. То есть, чего ради мне туда не ходить-то? Визир сам собой не исправится.

Огородник с себя проводочки стянул и мне их живо наладил. В смысле, за уши. Вертко так он это сделал, будто всякие излучатели ему – прямая родня. А человек он по поведению тихий. Странно. Я это запомнил.

Ай!

Будто мне какой-то гад пальцем по мозгам провел! Мозги зачесались.

А потом я стал видеть далеко вперед. Вот, я глазами вижу метров на сто. Дождь же, туман туманит, сумеречно. А не глазами я гораздо дальше вижу. Через всю седловину вижу и еще на равнине, аж до развалин Полсберга. Ай! Не могу же я так далеко видеть! Это *оно* во мне видит... Оно – это прицел, наверное... Да?

– Освоился? Найди Визир. Найдешь – гляди левее.

– Ну... нашел.

Точно, шпенек из земли торчит, где ему и положено торчать.

– Заметил?

– Чего?

Шпенек и шпенек. Железяка.

– Левее. Там канава и валун, на человеческую голову похожий. Глянь за валун.

Гляжу.

Почему у меня голова заболела?

Точно, кто-то за камнем шевелится. Едва-едва видно его, осторожный. Я присмотрелся. Вон рука. Верно, рука. Кожа вся пятнах, белого там мало. Людак...

– Спасибо, Огородник.

– Не за что, Капрал.

Как же, не за что! Пошел бы я туда, подкараулил бы меня людак и шею свернул бы. Это им запросто. Сильные, черти. Тут ему и мясо, и оружие... И курице мое, кстати, хорошее пайковое курице, тоже ему, образине, досталось бы. Людаки – почти умные, не сильно глупей нас. Людак это тебе не тупой быкун. И оружие бы унес, и курице бы скурил...

Людаков я видел три раза в жизни. Первый раз, когда ихний шатун, одиночка, чуть не до самого Поселка добрался. На окраине его Капитан подстрелил. Лежал, весь страшный, брюхо разворочено, кожа в коричневых разводах. Такой людак. Мне чуть плохо не стало. Вот. Другой раз их семья перебила Вторую Дозорную Точку на Провале... Причем тихо

так перебила, никто не услышал, никто не заметил... Когда шум пошел, они уже ухватили кое-кого из наших и потащили вниз. Поселковые растерялись, я растерялся, все растерялись, только Протез пальнул разок, да еще, может, Капитан. Они трех наших утащили: Байка, Сина и усатую Лукрецию. Их, понятно, потом не сыскали. Тот раз я людаков видел со спины. И опять мне страшно сделалось. Так холодно было, всего пробрало холодом! На третий раз лучше вышло. Я был в резерве. Капитан сказал: «Бегите на Вторую Точку, там прорыв!» Мы побежали. Это как раз полгода назад было. Верно. У Хебберши днями пожар случился. То ли позже на день, то ли раньше на день. И у старика Боунза несущка околела. Хорошая была несущка... Вот, мы побежали к Провалу. А там наши со всех стволов палят. И Таракан кричит: «Туда стреляйте! Видите? Туда, туда стреляйте!» Я смотрю – не пойми куда, не пойми в кого... «Не вижу, Таракан». – «Мать, твою, Капрал, дурья башка, видишь, пальцем показываю! Ослеп?» – «Сам ты дурья башка». Палец-палец! Не надо было ему ругаться. Я потом увидел людаков, правда, совсем издалека. Шевелятся... Я выстрелил с одного ствола. Не знаю, попал или нет. А потом я выстрелил с другого ствола. И второй ствол разорвало. Вот. С полгода прошло, как я по людакам стрелял. Ствол мне тогда разнесло, как фанерный. Старик Боунзу посекло ухо. Так, немножечко, он даже не расстроился. И мне руку посекло. Тоже несильно. Вот. Царапина, да и только. А попал я или нет – не знаю. Людаки

тогда нашей стрельбы испугались и ушли. Их как раз по Визиру заметили. Капитан всем сказал: «Видите? Не зря старались, вкапывали. Полезная вещь».

А тут опять людак появился...

Почему у меня голова так разболелась? Спасу нет.

Я думаю. Что нам делать? Визир надо чинить. А один я туда не сунусь. Может, издалека его как-то достать, людака этого? Вот. Из дробовика, понятно, не дострелишь до него...

– Огородник... ты... это... из своего пистолета его... как?

Он пожал плечами.

– Добить – добьет, но попадания не гарантирую. «Третья модель» все-таки не для поля производилась.

Какое поле? Причем тут поле? По-английски он хорошо говорит. Вот. Буквы глотает иногда, да. Но все понятно мне. А тут про какое-то поле завернул... Никак не возьму в толк.

– А если излучателем его? А, Огородник?

Сам-то я всего один раз стрельнул из излучателя. Когда учился.

Морщится.

– Попробовать можно. Только к чему заряды тратить? У вас... у нас итак зарядов мало. Подождать, пока он уберется, и все дела.

Это он верно говорит. Зарядов мало. Таракан мне сказал: «Зря пальнешь – душу выну». Злобный человек.

Голова сделалась как бомба. Еще чуток – и взорвется. Отчего ж мне плохо так? Зачем я тут заболел?

– Ладно. Переждем.

Я так сказал, а сам думаю: «Если не уберется, опять же хорошо. Тогда Протезу из следующей смены вниз лезть придется. Или Стоунбриджу-старшему». Очень не хотелось в грязь по уши забираться.

Мне как-то неспокойно. Опять закуриваю – на еще один пырх зажигалочки хватило. Сижу, пыхаю. Голова не проходит. Бычок ладошниковый мне пальцы жжет... Вышвыриваю бычок – вот, кончилось когда хорошо, началось когда потерпеть. Курева уже не запалишь. Тридцать минут до конца смены у нас с Огородником. Потом Протез со Стоунбриджем придут, да. Будут возиться. Стоунбриджа мне жалко, он добрый и он старый. Может, слазить за него? Если людак ушел уже. Как там, думаю, парень мой пятнистый? Примочки-то Огородник у меня еще не снял. В смысле – из-за ушей. Вот. Смотрю. Вот он, людак. Завозился чего-то. В канаве своей машинку какую-то настраивает. В смысле, железку. Нет, не пофартило сменщикам, значит. Не повезло. Полезут вниз. Ну, пускай. Ничего. Грязь еще никого не убивала.

Чего ж он там возится, людак этот? А? Теперь его хорошо видно. Наполовину вылез из укывища своего. Страшный: безволосый, нос провалился, дыра вместо носа... а еще очень тощий – кожа да кости... И машинку свою на нас наставляет... Вот. Зачем это?

Ой-ой!

Меня пробрало: это ж не только я его сейчас вижу, это ж

он на меня тоже глядит! Все видит!

Ужасно страшно мне сделалось. И я спокойным таким голосом говорю Огороднику:

– Он... людак... вроде как целится?

– Не бойся. Из чего ему целиться? Откуда у него такое оружие, чтоб издалека целиться? Такого и у вас-то... у нас... раз два и обчелся.

Откуда Огородник узнал, что я боюсь? Я же спокойно так с ним говорил? Да?

– Ладно. Дай-ка я посмотрю... на всякий случай. – И тянется к этим штучкам за ушами, хочет снять уже.

И все-таки почему он знает, что я боюсь? Откуда...

Тут нас с Огородником пришкварило.

Рядом с раскуроченной амфибией был такой ком из старых труб, уже не поймешь, для чего он. Вот. И он, этот ком трубный, ка-ак жახнет во все стороны! И огня – море! И жар страшный! Я за щеку с той стороны схватился, где жажнуло, – будто горячую сковороду к щеке приложили! Больно.

Не пойму ничего. Секунду сидел, не страшно, нет. Вовсе я не испугался, просто не понял ничего. Я знаю, когда я испугался, а когда нет.

А Огородник хитрый сразу все понял. Правда, это я потом сообразил, что Огородник сразу все понял. Развернулся и пинка мне такого вмазал! Я как щепка из амфибии вылетел.

И тут у меня в голове помутилось, перед глазами почернело, а за ушами такая боль взялась, хоть помирай. Точно

там боль была, где фитюльки от прицепа крепились, и еще в затылке. И глаза заболели – где-то внутри, глубоко, будто их прямо из мозгов моих кто-то внутрь за веревочки дернул...

Я кричу, я по земле катаюсь. Мордой в самую грязь хлюпнул. Слезы брызжут, с дождевыми каплями мешаются и с водой из лужи. Никак не проходит, только еще хуже стало. Я руками за глаза схватился, мну их, тру, чешу... А их бы выдрать оба!

Опять рядышком потеплело – я под горячую волну попал. Ну да мне не до того. Я Огородника зову, он мне должен помочь! А Огородник в ответ кричит:

– Сейчас, Капрал! Сейчас! Потерпи секунду, сейчас я! Потерпи, парень!

И ругается по-своему, по-русски. Я их языка не знаю, я только слышу, что ругается он долго, и крепко, видно, забирает. Чего он не идет ко мне?

Я уж помирать собрался.

Один раз я глаза разодрал маленько. Вижу – Огородник у излучателя сгорбатился, лупит всюю. Серьезный – страсть. Деловой, ловко у него получается. Вот издалека опять огонь прилетел. Целый шарик огня о передок амфибный разбился, пламенные крошки в разные стороны – порск! Опять мне тепло...

Тут глаза совсем слезами застлало. И больно, больно!

Ругается мой Огородник.

А я концы отдаю.

Бамс! Совсем отключился...

* * *

...Огородник получил волдырь на лоб. Так его огнем людачьим подпекло. Из машинки. И на щеку второй волдырь приспел.

Потом уже я своим умом дошел, зачем Огородник пинка мне зарядил. Если б не зарядил, пекся б я вместе с ним. Может и до смерти сгорел бы.

Вот, я очнулся. Мне хорошо. Ничего не болит. Только муторно, и какой-то я свинцовый. Огородник сказал чуть погодя, что была у него дрянь от боли... от шока от болевого – он сказал. И Огородник мне такой дряни не пожалел, вколочил. А после нее всегда, говорит, тяжелеет народ. Такая вещь. Я очнулся, да. Он на мне сидит и меня же по роже хлещет.

Я заворочался. Язык едва слушается, пальцы совсем не слушаются.

– Не хлещи, гад! – говорю ему.

– Жив-в-о-ой! – орет Огородник.

– Слезь, гад. Тяжело.

Слез.

– Ты... ты... извини меня. Не рассчитал. Старый стал. Ни рожна не помню уже... Прости меня, парень.

– Чего еще?

А сам я едва соображаю.

Огородник рассказывает: не надо было ему прицел от излучателя на меня вешать. Совсем не надо. Вот. Без привычки, говорит, да еще слабый человек, да еще голодный, да еще если снять рывком, так и концы отдать можно. Запросто.

Выходит, он меня от смерти спас, он же чуть в гроб не вогнал. Такие дела. Ну, тогда я без соображения был, потом додумал. Да и ладно. Жив же я. Чего еще?

А в тот раз я ему только сказал:

– Я не слабый.

– Да, да! Ты не слабый! Ты просто ослаб чуток.

Я подумал и добавил, чтоб он не зазнавался:

– И я не голодный.

– Верно, верно! Ты не голодный, просто ешь мало.

Точно. Едим мы тут не очень-то. А когда терранских пайков не было, уже собирались загнуться всем Поселком. Хеббер загнулся. Бритая Лу загнулась. Я сам мало не загнулся. К тому шло. А с пайками жить можно. В смысле, не помирать. С пайками – совсем другое дело. Но и с пайками жиров на ребрах не нарастишь.

Я сел и спрашиваю:

– Чего с людаком? Убил ты его?

Это для порядка я спросил. Капрал же я.

– Нет, не убил. Ушел людак. Но машинку я ему попортил, больше палить ему не из чего.

Я киваю. Хоть машинку попортил...

Тут рация заголосила. Самодельная такая фуфлошка, ее

Капитан с Протезом из разной мелочи смастрячили. Она раз – работает, два – не работает, три – опять работает, четыре – опять не работает. Вот так.

Мы слышим с Огородником: тархтенье, потом свист и голос. А голос – Вольфа-младшего. Значит, Вольф-младший ругается. Ой, ругается! На все сразу.

Огородник вертит рацию.

– Может, мне ответить, Капрал?

– Нет, давай сюда... я... это... обязан же...

И кажется мне, будто я виноват. Виноват, и точка. Будто это он, Огородник, должен все Вольфу рассказывать, а я влез по ошибке между ними.

Все-таки я тянусь к рации... Ну и мне – р-раз! – и судорогой скручивает ногу. Ой-ой!

– Давай, – я кричу, – ты ему все скажи.

Огородник приложил говорилку ко рту:

– Господин лейтенант, сэр! Говорит младший дозорный рядовой Сомов.

Пауза.

– Возится с техникой, сэр.

Это он, наверное, про меня. Не говорить же, ему, что вот, не отвечает капрал из-за ноги. Нога у него, видишь, заболела! Хороший человек Огородник.

Пауза.

– Капитан не видит сектор, потому что Визир 81 выведен из строя, сэр.

Пауза.

Ногу отпустило мою, но к говорилке подходить неохота.

– Людаком, сэр. У нас с ним был огневой контакт, пострадала дозорная точка и личный состав дозора, нужен санитар.

Как он это все ловко и четко выводит! По всему видно, был Огородник военным. Даже не просто каким-то там военным, а целой военной шишкой. Вот.

Пауза.

– Никак нет, сэр. Огневой контакт.

Потом он возвысил голос и по складам сказал Вольфу еще разок:

– Ог-не-вой кон-такт... сэр.

Пауза.

– Никак нет, сэр. Вполне здоров.

Пауза.

– Никак нет, сэр. Моя мать никогда не предпринимала подобных действий. Откуда вы знаете, сэр, что подобные действия вообще возможны? Личный опыт, сэр?

Пауза. До меня донеслись прямо из рации слова «трепанный огрызок». Огородник слушает, ухом не ведет. Вот. Как будто Вольф там сейчас не пеной исходит, а конфет ему обещает...

Конфеты... слово издалека. Что это было – конфеты? Какая-то приятная вещь...

– Так точно, сэр. Рад стараться, сэр. И вам того же, сэр. Разрешите обратиться?

Пауза.

– Визир я заменю сам, сэр. После нашей смены. Но санитар нам нужен немедленно, сэр.

Все. Больше из рации ни словечка не пришло.

– Здорово ты его, Огородник. Вольф – злыдень, правильно ты его... припечатал.

Напарник мой только вздохнул, не сказал мне ничего. Даже не улыбнулся. Угрюмый очень.

Мы завидели Протеза и дедушку Стоунбриджа через долго. Они с опозданием на пост брели. Вот. На целых двадцать минут опоздали. Не иначе их Вольф задержал. Стоунбридж ни за что бы не опоздал. Он у нас человек-часы. Все минута в минуту делает. Как до Мятēja люди жили, так он и сейчас живет. Протез бы, может, и опоздал бы, но на двадцать минут даже Протез бы не стал опаздывать. И с ними Ханна бредет. Она у нас по медицинским делам знаток.

А Огородник, как их увидел, и впрямь вниз полез. Прицел нацепил, поглядел – нет никого. Запасной Визир взял и полез. Я ему сказал:

– Ты чего? Сейчас в тепло пойдем. Чего ты?

А он мне:

– Ты иди. Я тебе потом расскажу.

И полез. Ну, бешеный. Откуда силы берутся? Я как дозорную смену отстою в такое-то время, мне ж без еды и без отогрева лишнего шага шагнуть не хочется. А этот вниз скакнул! Силен.

Старик Стоунбридж курево сам разжег, сам же мне в рот его сунул. Понимает – обидно нам за ихнее опоздание. Вежливый. Даже Протез не зубоскалит. У него, у Протеза, шуточки дурные. Но сейчас он шуточек своих не шутит, тихо сидит. Только сказал мне: «Все Капрал, приняли мы Точку. Топай в караульную хибару, Капрал».

А Ханна – добрая. Мне нравится, что она пришла. Ханна высокая, шея у нее тонкая, волосы светлые, как если бы медяшку до крайности начистить. Еще у нее серые глаза, я на ее глаза люблю смотреть, очень красивые глаза. На левой щеке у Ханны – ожог от кислотного дождя. Тут у нас редко бывали сильные дожди, у нас бывают слабые дожди, после них только язвочки, да кожа шелушится, да глаза болят, если маленький брызг залетел. А на Равнине очень сильные дожди шли, особенно когда по небу тучи багровые ходили, ну, в первое время после Мятежа... Но раз пятнадцать или двадцать и у нас дожди ужасные лились, вот дрянь! Она под такой дождь попала чуть-чуть. На щеке ожог остался, на руке на левой, и еще где-нибудь, наверное, осталось, только не видно. Но она все равно красивая, Ханна. Среди нас она вроде бы цветок в траве.

Ладони у Ханны большие, пальцы сильные, как мужские. Она меня принялась жать, мять и переворачивать. Я употел. Хотя и холодно, и дождит все время... И спрашивает меня, спрашивает, как я, чего я, почему я вялый, как дождевой червяк. А спрашивает вежливо. Не то что Таракан или

Вольф, или Бритые. Хотя она побольше их всех знает. Вот Ханна – ученый человек. К нам она попала, понятно, потому, что ничего у нее не осталось. Вот и живет у нас. Очень вежливая.

Она на Огородника разозлилась. «Вот какой глупец! Сопля терранская. Он не должен был так с тобой, он должен был о тебе подумать». – «Да ладно, Ханна. Он не злой... Вот. Просто не привык еще». А самому мне так сладко стало: вот, кто-то должен думать обо мне, и это сама Ханна говорит. И еще я подумал про слово «глупец» – странное слово. Можно же сказать «дурак», и всем понятно. А вот скажет Ханна «глупец», понятно совсем другое – до чего она сама умная! «А где он сам – Огородник твой?» – «Внизу. Визир меняет, Ханна. Сам полез. Мог бы не лезть». – «Да? На дурь сил хватает у него».

Еще полчаса прошло. Ханна все беспокоится, вот, надо Капралу уходить, и вообще четвертую дозорную смену достаивать ему не надо. И ужасно холодно мне, смерть как холодно. Может, я заболēju совсем. Слабость одолела. Спать хочется. И одежду посушить надо. Курить хочется очень сильно – Стоунбриджево курило уже в нутре моем переварилось и силу потеряло. Но я никуда не иду. Мне без Огородника уйти – неудобно и плохо. Я же Капрал. А он мой солдат.

Вылез Огородник из провала, весь в грязи, весь мокрый, страшный, как чучело, в лужу сваленное. Устал, видно, – дышит тяжело: ух-ух! ух-ух! Но довольный, улыбается. За со-

бой какую-то железяку тягает, здоровая железяка.

Стоунбридж ему без разговоров кубик пищевого концентрата дает. Старик понимает – за него слазили. А Протез отвернулся. Будто бы он тут ни при чем. Куда-то в сторону глядит.

– Джеф, запроси Вольфа, как там Капитан, может он вести наблюдение за сектором? Я Визир сменил.

Стоунбридж завозился.

Ханна подошла к Огороднику и хлясть ему пощечину!

– Ты думаешь – кто он и кто ты? Ты вообще-то разницу заметил?

Огородник щеку потер и отвернулся. А что ему сказать? Сказать ему нечего.

– Посмотри-ка мне в глаза. Тебе не стыдно?

Огородник поворачивается и глядит прямо Ханне в глаза. А она ему. И так – с полминуты. Вот. Странные люди. Стоунбридж в рацию орет, не слышно его там никому, Протез сухарь грызет, а эти смотрят друг в друга, как в зеркало. Я говорю:

– Отставить, Ханна. Солдата в дозоре... бить совсем нельзя. Это преступление. Военное. И настроение ему портить нельзя.

Они разошлись молча. Я тогда еще спросил:

– А чего за железяку ты приволок, Огородник? Зачем это?

– Это? JYX-2132. В очень хорошем состоянии. Значит, перед самым Мятежом его, голубчика, выпустили. Полобой-

мы не израсходовано...

– А... джэйвиэкс... с цифирьками... из него... по нам...

– Из него.

– Вот лихо дурацкое! Откуда ж он... оно... у людаков-то?

Они же – зверье...

– Умные вопросы задаешь, Капрал. Не знаю. Я пока ничего не знаю. Одно я тебе точно скажу: там, где я раньше... жил, эта штукавина считается устаревшей. Но здесь – другое дело. Если она попадет в умелые руки, половине славного поселка Слоу Уотер – конец.

Я испугался как маленький зверек. Захотел забиться в какую-нибудь дыру. Какое холодное страшное слово – «джэйвиэкс»! Как будто колдун хочет вызвать злого духа. «Дух» я не помню, что такое, но точно плохое. А «джэйвиэкс» – холодное слово, ужасное слово, хуже только «ви-ти-кей»...

А Стоунбридж, наконец, докричался.

– Капрал, Огородник! Идите оба к Капитану. Он вас срочно к себе зовет.

И мы пошли. Ханна с нами пошла, даже разрешения спрашивать не стала. Вот. А Огородник джэйвиэкс с собой прихватил.

В штабу своем Капитан хорошо все обиходил. Чисто у него, тепло у него. Вот. У нас народ какой? У нас народ спокойный – никому ничего не надо... Как кто живет, так и живет себе. Мало кто трепыхается. Вот, Капитан хочет жить прилично и с узорами. Вот, Лудаш хотел, но нет его уже. Вот,

еще Ханна как-то так же... любит все чистое, аккуратное. Ну и Огородник, вроде. Так про него говорили, сам-то я не был у Огородника, не видел... Ну, для ровного счета, может, я еще. Окно же я себе засобачил? Засобачил. Из хорошего прозрачного биопласта засобачил. А что все сказали? Все хихикали. Олдермен Петер так и сказал: «Вот и дурак наш пофорсить решил». Капитану, небось, никто не скажет, над Капитаном хихикать не станут. Капитан – шишка. Его бояться. И уважают его тоже. Где бы без Капитана был Поселок? На самом дне помойки.

Вот приходим мы к Капитану.

Там у него сидят две женщины, смотрят на экранчики, а экранчиков мно-ого. Глядят, какие дела им визиры покажут. А вот проморгали нашего людака. Ничего не сказали нам. Одна женщина старая, а другая молодая, но тоже некрасивая.

Капитан на Огородника быстро так посмотрел. Ханна тут же заговорила, какой дурак Огородник и какая Огородник свинья. Капитан ее не слушает. Капитан ее не видит. И меня он тоже не видит. Ну и ладно. Я умаялся и мне надо домой... Капитан встал.

Ой-ой!

Ни перед кем Капитан не встает. Ни разу не бывало. Даже перед мэром Поселка Филом Янсенем, которого еще зовут Малюткой, он не встает. Гордый Капитан. И еще старый тоже. Шестьдесят ему лет, весь седой, лохмы седые во все сто-

роны торчат. И однурукий.левой руки нет, во время Мятажа где-то ему левую руку оттяпали.

Чего же он перед Огородником встал? Огородник – простой человек. Даже не капрал. Никак не возьму в толк.

– Без чинов, парень.

Это Капитан сказал. Он как-то так наполовину спросил, наполовину просто сказал, вроде бы и не спросил.

– Спасибо. – Огородник ему отвечает.

– Из чего стреляли?

Огородник молча кладет железяку на стол.

Оба они друг другу в глаза смотрят. Молчат. Видно, знают и понимают какую-то большую гадость. А я не знаю и мне не понятно. И еще чуть-чуть обидно. Но не очень сильно.

Ханна тут рядом щебечет, а они стоят как каменные. И тогда ей надоело, она подходит к столу и давай по нему ладонью стучать. Очень громко.

Капитан будто бы очнулся и голову к ней повернул. А она ему:

– Вы потом решите все свои дела! Без меня. А мне нужна всего одна минута.

– Да, Ханна.

– Капрала надо снять с дозора. Дать ему отлежаться. Иначе мы можем потерять человека, после того как он с этим... – на Огородника глаза скосила очень сердито – ...типчиком... в одной смене постоял.

Капитан глазами пошарил-пошарил, ответ он словно бы

глазами искал, и говорит ей:

– Хорошо. Я отдам соответствующие распоряжения Вольфу.

Пауза. И добавил:

– Вы двое. Поговорим – и свободны от дозора. Оба.

Пауза. Еще добавил:

– Ханна, обработай этому типчику ожоги. Прямо сейчас.

Завозилась Ханна вокруг него, а Капитан разговор свой важный дальше потянул:

– Ошибка исключается?

– На все сто.

– Откуда бы это взялось?

– Сам голову ломаю. Пошлю запрос в штаб ограниченного контингента, может тамошние ребята знают больше нас.

Я удивился. Где терранцы – и где мы! Чего это они с нами возиться будут? Чего это они Огороднику ответят? Кто он там такой, чтобы отвечать ему? И как это он запрос пошлет? Чем это? И я спросил:

– А ты разве... можешь?

– Могу, Капрал.

Капитан поморщился сильно. Больше я ничего не спрашивал. А то опять начнет морщиться, а мне неприятно...

– Если ты думаешь, что я больше об этом знаю, чем рассказал, Огородник, то напрасно. Ноль информации. Ноль идей.

– Понятно. Может, они поумнели?

– Людаки что ли?

– Да.

– Вряд ли.

– Почему?

– Сразу как они появились, были почти как люди. По уму четырех людаков можно было приравнять к трем людям. Условно. Потому – трех к двум. Теперь людак вроде половинки человека. Быстрый, зараза, но больше, чем на пяток движений вперед думать не может. Это **я** тебе говорю. А **я** сведения о них коплю как об условном противнике. И больше меня о людаках и быкунах на Плато не знает никто.

И повторил:

– Это **я** тебе говорю!

– Иными словами, они, наоборот, глупеют?

– Точно схвачено...

– Этому хватило ума, чтобы поливать нас огнем.

– Но не хватило ума убить.

Ханна вздрогнула тогда. Никто не заметил, **я** только заметил.

– Повезло. И потом... я еще не совсем разучился...

– Да понимаю я.

Капитан поскреб в лохмах своих. Долго скреб, основательно. То медленно, то быстро. Когда медленно, наверное, это мысли у него были. А когда быстро – мыслей, значит, не было.

– Знаешь, в конце Мятежа... да уже и Мятеж весь в фук

вышел, уже неразбериха стояла... первых людаков хотели к военным делам приспособить. При людях-то они куда сообразительнее, чем сами по себе. Сами по себе людаки – стая. А хороший специалист может в них кое-что вколотить на уровне...

– ...рефлекса.

– Да. Как в цирке дрессируют. Только навык надолго остается. Это я тебе говорю.

Цирк... Цирк? Цирк – это что такое? Забыл уже. Ведь помнил. Был какой-то такой цирк...

– Специалист, говоришь...

Оба они замолчали. Думали: откуда специалист? И я тоже думал: откуда специалист? Ну и... не знаю. Равнина – не для нас. Там кошмар же. Ужас. Дикие. Отравы. Ради... ради... радиация. Плохо, очень плохо.

Тут Ханна работу свою доделала. Огородник ей кивнул и улыбнулся.

– На днях зайди, Огородник, сделаю тебе перевязку.

– Я зайду, Ханна. Обязательно.

Ушла. Очень она вкусно пахнет.

– Огородник, я не знаю.

Ой-ой!

Я удивился: когда это Капитан говорил, что вот он чего-то не знает! Никогда не говорил. Он всегда все знает, а мы на него очень надеемся... Вот. А тут он не знает! Страшно.

– Огородник, наведи справки.

– Да.

– И еще: будешь ходить в дозор через сутки.

– Я понял.

– Ты, да человек семь надежных ребят. А с вами будет целая орава шалопутов. Только не проморгайте.

Кивнул Огородник. И я кивнул. Интересно, а я – надежный парень или шалопут?

Напоследок выдал нам Капитан премиальные – две банки рыбных консервов Огороднику и две банки рыбных консервов мне. А это большое дело. Потому что больше двух банок рыбных консервов у меня было последний раз... о! да. Когда первого быкуна поселковые увидели и убили. Тогда Лудаш целый склад нашел. Военный. Там много всего было. Четыре года назад, то ли даже больше четырех уже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.